

П. 220

КУРАНТЫ

ежемѣсячникъ

Гришащев

№ 2

январь

1919

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
— ежемѣсячникъ —

КУРАНТЫ

(2-ой годъ изданія)

Редакція и Контора: Тифлисъ, Елисаветинская, 200.
(Пріемъ по субботамъ отъ 12 — 3).

Программа:

Журналъ посвящаетъ себя исключительно искусству и помѣщаетъ статьи по вопросамъ поэзіи, литературы, сцены, живописи и другимъ видамъ художественнаго творчества, не органичивая своихъ заданій рамками опредѣленныхъ исканій.

Сотрудники:

Татьяна Вечорка, Нина Васильева, А. Н. Геевскій, Д. П. Гордѣевъ, Вл. Гудіевъ, Юрій Дегенъ, Юрій Долгушинъ, Георгій Евангуловъ, Илья Зданевичъ, Борисъ Корнѣевъ, А. Крученыхъ, А. С. Петраковскій, Александръ Порошинъ, И. Порошина, Б. А. Прозоровскій, Н. Семейко, Сергѣй Рафаловичъ, Тиціанъ Табидзе, Игорь Терентьевъ, А. Чачиковъ, Осипъ Шарлеманъ, Паоло Яшвили и др.

Редакторъ: Борисъ Корнѣевъ.

Главный складъ изданія:

Тифлисъ, Головинскій просп., Центральная книжная торговля.
Цѣна отдѣльнаго №—3 р. 50 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1919 годъ

(II годъ изданія)

на ХУДОЖЕСТВЕННОЕ и ЛИТЕРАТУРНОЕ
ежемесячное изданіе

ФЕНИКСЪ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На полгода—16 руб. съ доставкой и пересылкой, на
3 мѣс.—8 руб.

Подписка годовая, двухмѣсячная, подписка въ разсрочку, а также за предѣлы Закавказья не принимается.

Цѣна №—3 рубля.

Редакція: Тифлисъ, ул. Мечникова № 3. (Пр. часы по воскресеніямъ отъ 12—2).

Контора и отд. Редакціи: Тифлисъ, Бѣлинская 2, (ежедневно отъ 4—5).

Содержаніе: Художественно-критическія и литературныя статьи, музыка, балетъ, художественная проза, стихи, художественная лѣтопись.

Сотрудники: Сигизмундъ Валишевскій, Нина Васильева, Татьяна Вечорка, Димитрій Гордѣевъ, Вл. Гудіевъ, Юрій Дегенъ, Юрій Долгушинъ, Георгій Евангуловъ, Илья Зданевичъ, Кириллъ Зданевичъ, Сандро Корона, Борисъ Корнѣевъ, А. Крученыхъ, Юлія Маковская, Александръ Петраковскій, Александръ Порошинъ, Н. Семейко, Сергѣй Рафаловичъ, Тиціанъ Табидзе, Игорь Терентьевъ, А. Чачиковъ, Осипъ Шарлеманъ и др.

Вслѣдствіе крайняго бумажнаго кризиса въ 1919 г. №№ ФЕНИКСА печатаются въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

Представ. из-ва Фениксъ
Георгій Евангуловъ.

Редакторъ Юрій Дегенъ.

С Т И Х И

Весною сердцемъ не болѣй,
Пусть будетъ легкій шагъ не спѣшенъ,
Среди цвѣтущихъ миндалей
И розовѣющихъ черешенъ.

Въ жужжаніи тяжелыхъ пчелъ
Я никакихъ обидъ не помню.
Ты знаешь? Какъ то я забрелъ
Весною, въ горную часовню.

Въ рѣшетчатомъ окнѣ горя,
Кружился лучъ, желтѣе сѣна
И ангелы у алтаря
Молились, преклонивъ колѣна.

Сіялъ коверъ лебяжьихъ крылъ
И кто-то плакалъ подъ Распятіемъ.
Я осторожно дверь закрылъ
И отошелъ, чтобъ не мѣшать имъ.

Татьяна Вечорка.

С а м о е д о р о г о е

Я потеряла два любимыхъ гранатовыхъ браслета,
Потеряла очень важную для меня тетрадь,
Даже сердце я ухитрилась потерять,
(Потомъ нашлось у знакомаго поэта).
Но все это не смущаетъ меня ни мало:
Себя—я пока еще не потеряла.

Лидія Лѣсная.

Покорный радостямъ борьбы,
Промозгой ночью на панели,
Пока огни не догорѣли,
Я буду ждать своей судьбы.
Пронизывая жаднымъ взглядомъ
Вокругъ столпившуюся тьму,
Я звукъ шаговъ твоихъ пойму
Но не пойду съ тобою рядомъ.
Моей сегодня будетъ та,
Что за сверкающей витриной
Лежить съ улыбкою невинной,
Фарфоровыя сжавъ уста.

Александръ Порошинъ.

На Петропавловскомъ соборѣ куранты
Проиграли обычное —коль славенъ...
Мы не закрыли рѣшетчатыхъ ставенъ.
Онъ читалъ „День рожденья Инфанта“.
Бѣлая ночь прозрачнымъ свѣтомъ
Освѣщала открытой книги страницы.
Я смотрѣла на его золотыя рѣсницы,
Думала, гдѣ онъ будетъ лѣтомъ.
Танцевалъ на аренѣ карликъ горбатый,
Инфанта, забывшись, смѣялась громко.
Великій инквизиторъ улыбался тонко
И, вѣроятно, цвѣли гранаты...
Я люблю сказки Уайльда очень,
Но въ ту ночь мнѣ было не до Инфанта.
Ахъ, маленькіе испанскіе гранды,
Сѣверный мужчина иногда слишкомъ точенъ.

Утро наступитъ неожиданно скоро,
Онъ уйдетъ ровно въ восемь.
Мы другъ друга ни о чемъ не спросимъ.
Въ моемъ взглядѣ онъ не прочтетъ укора.
Но лѣтъ черезъ десять даже,
Вспомнивъ эту ночь, сердце заплачетъ.
Господи, какъ много значитъ
Не встрѣтиться въ іюль на пляжѣ.

Нина Васильева.

Міровое удовольствіе

Струня
Голое горло,
Я,
Какъ памятникъ трезвый
Публично сплю.
Съ верхняго голода
Мистеръ міръ
Началъ
Меня иммитировать.
За нимъ всѣ летятъ
Потерѣться
И
Затерѣть.
Я не ягений,
Только президентъ флюидовъ.
Сегодня въ парламентѣ
300 новыхъ поэтовъ признаны
За то, что у нихъ
Мой носъ
И моя головизна.

И. Терентьевъ.

Ветръча съ чортомъ

Разказъ

Борису Корнѣеву.

Я сидѣлъ за кривымъ столомъ въ самомъ дрянномъ трактирѣ. Я радовался, что попалъ хоть сюда. Здѣсь было все-таки лучше, чѣмъ шлепать по лужамъ и чувствовать, какъ на тебя претъ отвратительный туманище.

Мнѣ показался чужимъ мой голосъ, когда я заказывалъ себѣ закусить, до того я осипъ на осеннемъ вѣтру и холодѣ. Но я рѣшилъ наплевать и на это! Не все ли равно? Надо быть очень подлымъ и не имѣть въ головѣ ни одной дѣльной мысли, чтобы обращать вниманье на свой голосъ. А этого я не скажу про себя.

Итакъ, я заказалъ себѣ закуску и графинчикъ водки и когда мнѣ принесли заказанное я всецѣло отдался питью и ѣдѣ, нисколько не интересуясь происходящимъ вокругъ. И въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ было до извозчиковъ, разговаривавшихъ у стойки, или-же до двухъ рабочихъ, молчаливо игравшихъ въ шашки въ противоположномъ углу трактира? Выпивъ, я закрылъ глаза и отдался своимъ мыслямъ. Мнѣ не могла надоѣсть моя всегдашняя игра въ выдумыванье всякихъ невѣроятныхъ сообытій, фантастическихъ приключеній, путешествій и трудныхъ положеній. Къ тому-же спиртъ оказывалъ свое дѣйствіе. Въ головѣ у меня немного шумѣло, хотя это могло быть и трактирнымъ шумомъ, и по всему тѣлу было разлито какое-то согрѣвающее довольство. Однако, не успѣлъ еще я окончательно отдаться увлекательному ходу моихъ мыслей, когда кто-то, пробираясь между столиковъ, толкнулъ меня локтемъ и притомъ, какъ мнѣ показалось, умышленно. Въ досадѣ я обернулся на нарушителя моего покоя. Это была уличная женщина, почти дѣвченка, успѣвшая уже расположиться рядомъ со мной за сосѣднимъ столомъ. Она улыбнулась и попросила папирсъ. Я не далъ—у меня ихъ не было. Она сказала:

— Некурящій значитъ. Дай водку.

Я разсердился. Чего она привязалась?

— Не хочу.

Тогда, немного подумавъ, она безапелляціонно рѣшила:

— Ну такъ пойдѣмъ ко мнѣ. Чего тутъ безъ дѣла сидѣть?

Молча я отвернулся отъ нея и рѣшилъ больше не оборачиваться. Въ душѣ я жестоко обидѣлся, что могутъ мнѣ пред-

лагать любовь. Я не обращал ни малѣйшаго вниманья на злобное шипѣніе, звучавшее за моей спиной. Я былъ до того спокоенъ, что даже слегка посмѣялся надъ неудавшейся попыткой жизни, коснуться меня своимъ волненіемъ. Я твердо стоялъ надъ нею.

Но не прошло и пяти минутъ, какъ наглость этой самой жизни снова заставила меня открыть глаза.

Меня уже никто не толкнулъ и не предложилъ ни любви ни ненависти. Нѣтъ! жизнь рѣшила сыграть со мной еще болѣе дерзкую шутку.

За моимъ собственнымъ столомъ, совсѣмъ рядомъ съ собой, услыхалъ я короткій смѣшокъ, самый гнусный смѣшокъ при этомъ, какой мнѣ приводилось слышать за всю мою жизнь. Однако, я сумѣлъ сдержаться и взглянулъ на моего обидчика съ нѣкоторымъ даже достоинствомъ. Передо мной сидѣлъ гладко выбритый толстякъ, съ лоснящейся отъ жира головой, двумя щелками на мѣстѣ, гдѣ находятся обыкновенно глаза, и большимъ ртомъ.

Я вѣжливо обратился къ нему.

— Вамъ чего?

— Ничего.

Я чувствовалъ, какъ подымается во мнѣ желчь. По счастью, я справился съ собой и продолжалъ довольно ровно, хотя не закончилъ ни одной фразы:

Милостивый государь, какъ вамъ извѣстно, вѣжливость... Нѣтъ, не то!.. Если вамъ ничего отъ меня не надо... Впрочемъ, и это къ черту! Я васъ спрашиваю, — выпалилъ я, наконецъ, — что вы дѣлаете тутъ за моимъ столомъ?

— Наблюдаю-съ.

— Наблюдаете? Что-же вы наблюдаете?

— Васъ наблюдаю. И пришелъ, знаете, къ заключенію, что вы не такой уже ненавистникъ жизни, какимъ хотѣли бы себя видѣть.

Меня удивило, что онъ заговорилъ о томъ, о чемъ я только что думалъ. Конечно, это была лишь удивительная случайность. А, впрочемъ, здѣсь и удивительнаго то ничего не было: о чемъ-же другомъ и говорить такому слюнявому толстяку, какъ не о жизни? Объ этомъ я подумалъ уже, когда отвѣчалъ ему:

— Про меня не удобно сказать, люблю ли я, или не люблю жизнь. Она просто не касается меня — я не живой.

Онъ важно кивнулъ мнѣ головой и позвалъ „человѣка“.

— Булку и чай.

Затѣмъ, онъ снова обратился ко мнѣ:

— Занятно-съ, хотя и пустое. По существу пустое.

Я возмущился:

— То-есть, какъ это такъ?

— Да такъ и есть—пустое.

— Но позвольте, на лицо фактъ. Какъ-же вы противъ факта спорить будете?

— Ну ужъ и фактъ! А позвольте васъ спросить, кто теперь на факты вниманье обращаетъ? Къ тому-же, если и фактъ, такъ надо къ нему подойти умѣючи. Въ этомъ весь секретъ.

Я твердо отвѣтилъ:

— И все таки я не живой.

Ему подали булку и чай. Онъ отодвинулъ принесенное въ сторону и послалъ за водкой. Въ ожиданіи ея, онъ задремалъ и, какъ мнѣ показалось, совершенно забылъ о моемъ присутствіи.

Трактиръ постепенно наполнился обычными своими посетителями. Отъ табачнаго дыма, нависшаго подъ выбѣленными потолками отяжелѣлъ воздухъ. Трактирный шумъ пріобрѣлъ жужжащую монотонность, располагающую къ мечтательной лѣни. Но въ настоящую минуту мое вниманье цѣликомъ принадлежало странному сосѣду и только на него одного глядѣлъ я, ожидая дальнѣйшаго.

Однако, онъ не достаивалъ меня больше ни единымъ словомъ. О чемъ-то раздумывая, опорожнилъ онъ свою рюмку водки, крякнулъ, закусилъ булкой и, не притрагиваясь къ чаю, поднялся со своего мѣста, собравшись, по видимому, уходить. Застегивая осеннее пальто свое, онъ, точно теперь только вспомнивъ обо мнѣ, произнесъ:

— Одѣвайтесь, намъ пора!

Меня удивилъ нѣсколько увѣренный тонъ этого приказанія,—въ томъ, что это было именно приказанье, не могло быть и тѣни сомнѣнія!—однако, боясь лишиться чего либо интереснаго, я молча всталъ.

Расплатившись, мы вышли на улицу. Хлесткій вѣтеръ затрепалъ подола нашихъ пальто, сырой воздухъ заползъ къ намъ въ уши, въ ротъ, за рукава. Я поднялъ воротникъ, и, засунувъ руки потеплѣе въ карманы пальто, зашагалъ рядомъ съ моимъ спутникомъ. Повидимому, моя обычная порція водки, выпитая давеча въ трактирѣ, на этотъ разъ оказала на меня большее,

чѣмъ обыкновенно, дѣйствіе, Я, хоть и слѣдовалъ рядомъ съ занятнымъ моимъ знакомцемъ, однако пошатывался и какъ будто даже натыкался на встрѣчныя стѣны и твердые столбы фонарей, внезапно появлявшіеся изъ тумана. Въ совершенномъ молчаніи пробирались мы по грязи какими-то кривыми переулками, узкими улицами и выбрались, наконецъ, на широкую площадь. Мнѣ надоѣло уже наше безцѣльное путешествіе, но спутникъ мой потребовалъ пройти еще немного. Остановился онъ только на мосту, гдѣ вѣтеръ немилосердно срывалъ съ насъ пальто и дикими порывами кидалъ на чугунныя перила. Это то мѣсто и выбралъ спятившій съ ума чудакъ для продолженія нашего разговора. Онъ расположился здѣсь съ совершенно домашней непринужденностью. Опершись спиной о фонарный столбъ и обративъ ко мнѣ свое круглое лицо, похожее на розовый воздушный шаръ, накрытый котелкомъ, онъ спросилъ:

— Видали вы когда нибудь чорта?

Я односложно отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

— А хотѣли бы вы увидать его? Ну, напримѣръ, еслибы вамъ кто-нибудь предложилъ такую возможность.

— Я послалъ бы челоуѣка, предложившаго мнѣ подобную глупость ко всѣмъ чертямъ вмѣстѣ съ его чертомъ. Экая, подумаешь, невидаль чортъ! И очень онъ мнѣ нуженъ.

— Ну, а что же вы скажете по поводу самого слова чортъ?

Ему, видимо, хотѣлось чтобы я похвалилъ это слово, но я рѣшилъ отомстить за его презрительное отношеніе въ трактирѣ къ моему заявленію.

— Чортъ? Я за него и ломаннаго гроша не дамъ.

Къ моему удивленію, однако, онъ не разсердился, а весело разсмѣялся и, принявъ возможно болѣе представительный видъ, преважно заявилъ:

— Такъ какъ вы ничего не знаете о чертѣ и узнать о немъ не постараетесь, я хочу вамъ помочь въ этомъ отношеніи и къ тому же исполню долгъ вѣжливости. Давеча вы сказали кто вы такой, я же умолчалъ. Такъ позвольте наверстать потерянное — я чортъ.

Я расхохотался. Не такъ то меня легко провести.

Я хоть и былъ слегка пьянъ, однако голову свою не потерялъ. Но спутникъ мой чего-то заупрямился и стоялъ на своемъ до того упорно и тупо, что вывелъ меня, окончательно изъ душевнаго равновѣсія. Я прекрасно понималъ, что въ дан-

И. Терентьевъ.

Автопортретъ.

номъ случаѣ наиболѣе отрезвляющее дѣйствіе на него окажетъ крѣпкій ударъ кулака. Я размахнулся и изо всей силы ударилъ, но чуть было не упалъ. Какимъ то чудомъ ударъ мой миновалъ глупой физіономіи моего недавняго пріятеля. Я ударилъ во второй разъ, но уже съ прицѣломъ. Результатъ получился тотъ же. Тогда уже совершенно остервенясь, я кинулся на него и принялся бить по чемъ попало. Я не могъ однако не почувствовать, что кулаки мои попадаютъ на что-то ужъ слишкомъ твердое, чтобы это могло быть упитаннымъ тѣломъ моей жертвы. Я оглядѣлся, но толстяка нигдѣ не было, билъ-же я по чугуннымъ периламъ и такъ сильно, что руки мои были въ крови. Видя себя такъ глупо одураченнымъ, я все-же рѣшилъ восторжествовать во что бы то ни стало. Выпрямившись, я презрительно разсмѣялся и закричалъ въ туманъ:

— Хей! какой-же ты чортъ? Глупости это. Ты всего только дурацкій бредъ пьянаго человѣка.

Я прислушался, но отвѣта на мой окрикъ не послѣдовало. Тогда, поправивъ съѣхавшую на бокъ кэпи и засунувъ руки въ карманы пальто, я повернулъ обратно къ городу.

Юрій Дегень.

Продолженіе комедіи Н. В. Гоголя „Ревизоръ“

Упрекнуть Гоголя за то, что онъ не нашелъ нужнымъ продолжить свою комедію, послѣ того, какъ выяснилось, какого „ревизора“ представлялъ собою Хлестаковъ, не посмѣлъ ни одинъ критикъ, ибо несмотря на свою житейскую неоконченность, „Ревизоръ“, какъ произведеніе литературное, вполне законченное, и несомнѣнная заслуга Гоголя въ томъ, что онъ положилъ перо тогда, когда этого не ожидало наше обывательское любопытство, когда онъ выполнилъ свою миссію поэта-обличителя нравовъ уѣзднаго городка.

Но все же, дальнѣйшая судьба, одураченныхъ петербургскимъ франтомъ заправилъ медвѣжьяго угла, невольно заинтересовываетъ и теперь многихъ, прочитавшихъ или посмотрѣвшихъ безсмертную комедію. Тѣмъ болѣе это понятно въ отношеніи зрителя сороковыхъ годовъ, когда художественное и литературное значеніе «Ревизора» усиливалось интересомъ злободневнымъ. И не удивительно, что при наличіи такого интереса къ комедіи, нашелся человѣкъ, который пожелалъ до конца опредѣлить судьбу захоластныхъ героевъ.

О существованіи продолженія „Ревизора“ впервые я узналъ въ 1915 году отъ племянницы небезизвѣстнаго въ времена Пушкина поэта Невѣдомскаго Н. А. Невѣдомской, владѣтельницы довольно богатого литературнаго музея. Въ томъ же году, послѣ усиленныхъ поисковъ, у одного изъ петербургскихъ антикваровъ мнѣ удалось найти эту любопытную книгу. Называется она: „Настоящій ревизоръ, комедія въ трехъ дняхъ или дѣйствіяхъ, служащая продолженіемъ комедіи Ревизора, сочиненной г. Гоголемъ“. Вышла она въ 1836 году, т. е. въ тотъ же годъ, когда впервые былъ напечатанъ и появился на сценѣ „Ревизоръ“. Содержаніе ея слѣдующее.

Продѣлка Хлестакова окончательно нарушаетъ мирную жизнь какъ чиновничества, такъ и семьи городничаго. Свадьба Маріи Антоновны съ Хлестаковымъ „обманщикомъ и самозванцемъ“ разстроилась. Марія Антоновна скоро забываетъ героя своего романа и согласна уже отдать руку и сердце Александру Петровичу Рулеву, солянному приставу. Упорствуютъ лишь родители.

Городничій, побывавшій у настоящаго ревизора, но не имѣвшій возможности лично видѣть его, черезъ секретаря получаетъ приказаніе „не позже завтрашняго дня составить подробнѣйшее донесеніе о всемъ происходившемъ съ г. Хлеста-

ковымъ“. Какъ ошпаренный возвращается онъ домой и всрѣчается по дорогѣ Рулева, который обѣщаетъ ему черезъ петербургскихъ „канцелярскихъ крючковъ“ помочь выпутаться изъ скверной исторіи, если только Марья Антоновна станетъ его женой. Кстати, онъ рассказываетъ о полученномъ изъ Петербурга письмѣ, въ которомъ сообщается, что весь анекдотъ о пребываніи Хлестакова въ уѣздномъ городкѣ доведенъ до свѣдѣнія министра, о немъ всюду говорятъ въ столицѣ и „одинъ извѣстный авторъ написалъ новую комедію, прекрасную, въ пяти дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ Ревизоръ, которая такъ понравилась публикѣ, что ее и до сихъ поръ играютъ въ театрѣ почти черезъ день“. Министръ „сильно журилъ“ Хлестакова и предписалъ, уже мѣсяцъ какъ проживающему инкогнито въ уѣздномъ городѣ, дѣйствительному статскому совѣтнику Алексѣю Петровичу Проводову произвести строгое разслѣдованіе. Въ помощь же ему, какъ знакомый съ положеніемъ вещей, дѣйствительно командируется Хлестаковъ.

Въ домѣ городничаго, по поводу „подробнѣйшаго донесенія“ созывается совѣщаніе чиновниковъ, во время котораго обнаруживается рядъ новыхъ злоупотребленій. Случайно тутъ же присутствуетъ Рулевъ, который предлагаетъ пригласить ревизора посаженнымъ отцомъ на предстоящую свадьбу, чѣмъ, онъ полагаетъ, возможно будетъ того задобрить.

Черезъ своего секретаря, ревизоръ охотно соглашается принять участіе въ семейномъ торжествѣ городничаго. Пріѣхавшій Хлестаковъ, узнавши о намѣреніяхъ Маріи Антоновны, долго не горюетъ и рѣшаетъ „заняться“ мамашей.

Въ день свадьбы выясняется, что ревизоръ, котораго такъ еще никто и не видѣлъ, по болѣзни, не можетъ присутствовать на празднествѣ. Приходится обойтись безъ него.

Но вотъ, когда уже подали шампанское и Рулевъ съ Марьей Антоновной вышли въ залъ, Хлестаковъ, въ первый разъ встрѣтившійся съ Рулевымъ, изумленный, выпускаетъ бокаль изъ рукъ и узнаетъ въ Рулевѣ „его превосходительство“ г. Проводова—ревизора,

Снова, какъ и въ комедіи Гоголя, происходитъ полное замѣшательство, но на этотъ разъ нѣмая сцена замѣняется приговоромъ ревизора Рулева—Проводова. Судьбѣ, зрителю училищъ и почтмейстеру предлагается подать въ отставку, Хлестаковъ опредѣляется подпрапорщикомъ въ армейскій полкъ, городничій же отрѣшается на пять лѣтъ отъ должности и забирается Проводовымъ въ его имѣніе, въ качествѣ завѣдывающаго.

Таково содержаніе „продолженія“ комедіи, написаннаго анонимнымъ авторомъ. Развитіе фабулы, конечно, самое примитивное и весьма слабое, но, нужно отдать справедливость, отдѣльныя сцены сдѣланы авторомъ довольно удачно.

Вотъ, на примѣръ, какъ описывается вторичная встрѣча Хлестакова съ Добчинскимъ.

Добчинскій. И такъ... вѣрно вы исполнили мою просьбу, Иванъ Александровичъ?

Хлестаковъ. Какъ же, непременно. О чемъ, бишь, вы меня просили?

Добчинскій. О незаконномъ моемъ сынѣ. Онъ рожденъ мною еще до брака.—То есть оно такъ только говорится; а онъ рожденъ совершенно, какъ бы и отъ брака, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ законными узами супружества. Теперь я хочу, чтобы онъ уже былъ законнымъ моимъ сыномъ и назывался какъ я: Добчинскій.

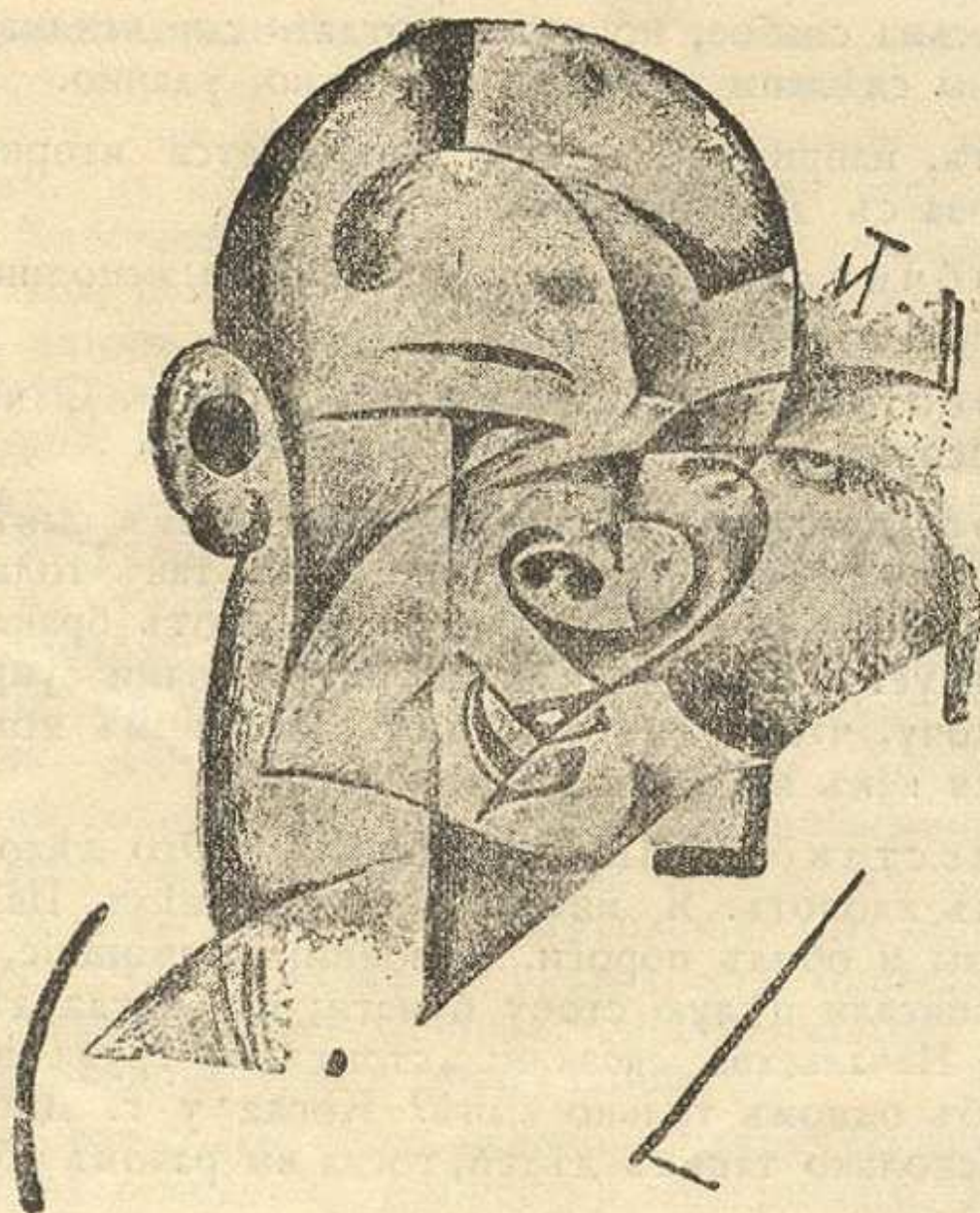
Хлестаковъ. Помню, помню.— Это дѣло стоило мнѣ большихъ хлопотъ. Я изъ-за него во всѣхъ Палатахъ изшаркалъ полы и обиль пороги. Чиновники тамошніе, по моей просьбѣ, исписали цѣлую стопу бумаги; но когда дѣло дошло до высшаго Начальства, сказали: „стоитъ ли труда затѣвать переноску объ одномъ только сынѣ? Когда у г. Добчинскаго будетъ нѣсколько такихъ дѣтей; тогда мы разомъ обо всѣхъ представимъ“...

А вотъ разговоръ съ Бобчинскимъ.

Бобчинскій (обращаясь къ Хлестакову). Я просилъ васъ нижайше, какъ пріѣдете въ Петербургъ, сказать тамъ всѣмъ вельможамъ, сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, ваше сіятельство или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.....

Хлестаковъ. Ну, помню, какъ не помнить? Въ тотъ же день, какъ пріѣхалъ, я всѣмъ и рассказалъ это, даже министру. Онъ отвѣчалъ: „Я давно знаю, что Петръ Ивановичъ Бобчинскій тамъ живетъ, и очень живетъ, чрезвычайно живетъ“...

Я не имѣю возможности отмѣтить всѣ удачныя мѣста „продолженія“, но ихъ достаточно для того, чтобы признать комедію удачной. Главный недостатокъ заключается въ томъ, что произведеніе въ развитіи фабулы имѣетъ замѣтную натянутость и искусственность. Это же относится и къ новому герою комедіи—Рулеву.

И. Терентьевъ.

Портретъ Юрія Дегена (1918 г.)

Но, въ общемъ, гоголевскій духъ выдержанъ, старыя дѣйствующія лица, въ особенности Хлестаковъ и женскій персоналъ прекрасны до конца. И на сѣренькомъ театральномъ фонѣ сегодняшняго дня, комедія безусловно имѣла бы успѣхъ, хотя бы потому, что кромѣ указанныхъ достоинствъ, она тѣсно связана съ лучшимъ твореніемъ Гоголя.

Борисъ Корнѣевъ.

Грузинская поэзия

„Голубые Роги“

Писать о грузинской поэзии—значит писать о поэтах „Голубые Роги“. Проходит четвертый год послѣ изданія перваго номера журнала „Голубые роги“, но шумъ вокругъ него не ослабѣваетъ; не было въ Грузіи другого литературнаго событія, которое вызвало бы столь страстные споры и столь продолжительный интересъ.

Надо думать, что затяжной характеръ борьбы объясняется тѣмъ, что въ литературномъ спорѣ отсутствовала традиціонная школа поэтовъ и вызовъ приняла сама публика, а обыватели и посейчасъ не чувствуютъ себя побѣжденными, составляя живучую оппозицію во всѣхъ выступленіяхъ новыхъ поэтовъ. Поэты же, которыхъ привыкли раньше называть модернистами, поняли всю эфимерность своего положенія и очень прилежно учатся у „Голубыхъ Роговъ“, перенимая у нихъ манеру письма, но старыя привычки и врожденная склонность къ банальности мѣшаютъ тому, чтобы хоть одинъ возвысился до настоящаго, и надо предполагать, что всѣ усилія ни къ чему не приведутъ и ихъ дѣло безнадежно проиграно.

„Голубые Роги“ вышли въ 1914 году, въ самый разгаръ войны. Къ тому времени символизмъ уже закончилъ свой циклъ развитія и боевая когда-то школа все больше замыкалась въ академическій кругъ. Побѣдная атака футуристовъ еще болѣе ускорила это замыканіе, и вскорѣ два поколѣнія поэтовъ очутились въ разныхъ лагеряхъ. Въ это переходное время пришлось въ Грузіи выступить новымъ поэтамъ и не могла эта двойственность не отразиться на ихъ выступленіи. Русскимъ футуристамъ было съ кѣмъ и съ чѣмъ бороться, они многому научились у символистовъ, между прочимъ и методамъ литературной борьбы,—откуда понятно ихъ отрицаніе.

Въ Грузіи полоса вліянія символизма прошла безслѣдно; та культура стиха и богатство литературныхъ идей, чѣмъ знаменовался символизмъ повсюду, отсутствовали въ Грузіи, нужно было начать сначала и пройти не пройденный путь.

Поэтъ Тиціанъ Тавидзе

Поэтъ Валерьянъ Тариндашвили.

Наброски Паоло Яшвили.

Инициативу взял на себя, только что вернувшийся изъ Парижа поэтъ Паоло Яшвили. Онъ изъ всѣхъ поэтовъ, примкнувшихъ къ „Голубымъ Рогамъ“ былъ наиболѣе свободенъ отъ рутины традиціонной грузинской поэзіи, и кромѣ того, на его глазахъ въ Парижѣ пронесся Маринетти.

Паоло Яшвили и мнѣ равно пришлось раздѣлить идеологию новой школы, что почти всегда бываетъ навязанной, какъ объ этомъ говоритъ и Валерій Брюсовъ. Манифестъ Паоло Яшвили больше подходитъ къ футуризму, тамъ отрицаніе выставляется, какъ единственный тезисъ, хотя въ контекстѣ оно и смягчается немного, прославляется оргіазмъ творчества и, главнымъ образомъ, обрушивается на прежнихъ поэтовъ.

Мнѣ пришлось обосновать новую школу и вскрыть ея содержаніе. Я прослѣдилъ творчество грузинскихъ поэтовъ 19-го и начала 20-го вѣка и доказалъ насколько эти поэты отступили отъ подлинной поэзіи, если взять за исходный путь творчества творчество символистовъ. вмѣсто „*nihi*l“, я сказалъ „нѣтъ“ поэтамъ XIX вѣка и извлекъ изъ забвенія поэта Бессики, какъ французскіе поэты Ронсара, а русскіе—Тютчева.

За эти четыре года новая школа уже успѣла выявить свой творческій путь, и онъ опредѣленно клонится къ футуризму. Сейчасъ готовится изданіе третьяго выпуска журнала, въ которомъ и будетъ помѣщена декларация новой школы и „Манифестъ къ Азіи“. Здѣсь будутъ подведены итоги за четыре года идеологическаго исканія. Можно заранѣе сказать, что этимъ положена большая побѣда. Есть полная аналогія между поэтической и политической жизнью Грузіи. Потребность создать собственное государство заставила революціонный грузинскій народъ остановиться на полпути меньшевистскаго мѣщанства и уберечь себя отъ коммунистическаго прорыва. Отсутствіе творческаго наслѣдства символистовъ въ Грузіи помѣшало школѣ „Голубые Роги“ сначала же опредѣлиться въ футуризмъ; но многіе пробѣлы творчества уже заполнены и грузинскіе поэты въ революціонности опередили свой народъ; объ этихъ достиженіяхъ скажетъ послѣдняя книга стиховъ „Голубые Роги“.

Въ слѣдующихъ выпускахъ „Курантовъ“ я дамъ медальоны ея участниковъ.

Тиціанъ Табидзе.

И. Терентьевъ

Живопись и графика футуристовъ, повергшая въ негодование міръ своей кажущейся нелѣпостью, перестала смущать и отпугивать отъ себя зрителя съ появленіемъ картинъ И. Терентьева. Рѣдко какой иной художникъ сумѣлъ совмѣстить въ своемъ творествѣ такъ, какъ это сдѣлалъ И. Терентьевъ, послѣднія техническія достиженія школы, къ которой онъ принадлежитъ, съ тѣмъ неуловимымъ очарованіемъ, свойственнымъ всякой художественной школѣ и дѣлающей его произведенія пріемлемыми равно для всѣхъ. По характеру психологіи своего творчества И. Терентьева лучше всего могли бы мы сравнить съ Обри Бердслеємъ: у него, какъ и у англійскаго графика, ту же изысканную утонченность и остроту пріобрѣтають художественные пріемы современныхъ имъ художниковъ и ихъ единомышленниковъ въ искусствѣ. Ни тотъ, ни другой не стремятся къ „новымъ словамъ.“ Они не изобрѣтають, но пріобрѣтають и, согласно своему темпераменту и своимъ вкусамъ, усовершенствуютъ и утончаютъ пріобрѣтенное. Это чуткіе художники гротеска, люди высокоодаренные и остроумные. Разница между ними только во времени.

Для Обри Бердслея послѣднимъ словомъ искусства былъ символизмъ, для И. Терентьева такимъ же послѣднимъ словомъ является футуризмъ. И въ то время, какъ Бердслей въ утонченныя формы своихъ символистическихъ произведеній облачалъ демонизмъ, И. Терентьевъ, сынъ новаго вѣка, замысловатыми линіями, мастерскими ударами кисти и преломляющимися плоскостями, характерными для футуристической живописи, гримируетъ любовь къ ресторану, нѣкоторое простодушіе и большую долю остроумія.

Въ прошломъ году, въ Тифлисѣ, нѣкоторыя произведенія И. Терентьева были выставлены на „Выставкѣ московскихъ футуристовъ“, состоявшейся въ помѣщеніи редакціи ежемѣсячника „Агс“. Большинство его произведеній хранятся въ Москвѣ въ частныхъ собраніяхъ В. Ф. Ходасевича, И. Гнѣсиковой, у художника А. А. Рыбикова и др., въ Тифлисѣ въ собраніи А. И. Канчели, у С. В. и В. В. Панфиловыхъ, у Е. К. Кранцъ, Е. К. Лазаревой, у Бориса Корнѣева и мн. другихъ.

Юрій Дегенъ.

„Фантастическій кабачекъ“

25-го ноября 1918 г., въ Тифлисѣ, отпразднована годовщина существованія художественнаго „подвала — „Фантастическій кабачекъ“.

Первоначально онъ назывался „Студіей поэтовъ“ и въ открытіи ея принимали участіе гости изъ столицы, а также: главный инициаторъ Юрій Дегенъ, сладчайшій Сандро Корона, художники К. Зданевичъ, В. Гудіевъ и др.

Открытіе вечера началось деклараціями о „заумномъ языкѣ“ поэтами А. Крученыхъ, И. Зданевичемъ и Кара-Дарвишемъ. Они же читали „стихины“ на упомянутомъ языкѣ. Эффектъ былъ неожиданный и новый. Затѣмъ выступали съ экзотическими стихами С. Корона, артистка Мельникова и Юрій Дегенъ.

Такимъ образомъ, намѣтилось два лагеря, которые и вступили въ „драку“. Обрадованная публика поощряла ихъ, чѣмъ могла; среди „партизановъ“ замѣтны были: А. Канчели, Г. Диасамидзе, скульпторъ Николадзе, художн. Сэръ-Гей, журналистъ Петроковскій, піанисты Зейлигеръ, Кузьминъ, актрисы и поэтессы.

За открытіемъ послѣдовали поэтическіе сеансы и нѣсколько „интимныхъ вечеровъ“ арт. С. Мельниковой. Затѣмъ, въ „Студіи поэтовъ“, которая уже стала именоваться „Фантастическомъ Кабачкомъ“ открылись, въ февралѣ 1918 г., лекціи „Футуръ-всеучбища“: Ильи Зданевича „Объ итальянскомъ футуризмѣ“, „О заплетающихся языкахъ Ё. Тютчева и В. Брюсова“, „Лорнетъ Доди Бурлюка“ и „О театрѣ въ тупикѣ“. А. Крученыхъ читалъ: „Слово, какъ таковое“, „Азефъ Іуда-Хлѣбниковъ (о влажности поэзіи В. Хлѣбникова)“, „Апокалипсисъ и рѣчетворцы“, „О безуміи въ искусствѣ“, „Фіоль Игоря Сѣверянина“, „Исторія русскаго футуризма“ и др. Неизмѣнными участниками страстныхъ преній были: Григорій Робакидзе, д-ръ Г. Харазовъ, А. Селихановичъ, Тиціанъ Табидзе, Паоло Яшвили, Юрій Дегенъ, Н. Чернявскій и мн. др.*).

Въ этомъ же помѣщеніи состоялись выступленія и не руководителей „Футуръ-всеучбища“. Юрій Дегенъ, Гр. Шайкевичъ и Г. Евангуловъ устраивали свои „вечера стиховъ“, д-ръ Харазовъ читалъ докладъ: „Теорія Фрейда и заумная поэзія“, И. Терентьевъ читалъ: „А. Крученыхъ—

*) Подробная и точная хроника дана Д. Гордѣевымъ въ журналѣ „Ars“, 1918 г., № 2—3.

Грандіозарь“ и „Маршрутъ ширины“. Юріемъ Дегеномъ и Борисомъ Корнѣевымъ былъ устроенъ „вечеръ стиховъ Вл. Маяковского“.

Съ распаденіемъ „Цеха поэтовъ“ С. Городецкого (въ помѣщеніи ред. „Агс“), большая часть участниковъ его перешла въ „Фантастическій Кабачекъ“, образовавъ худож. о-во „Кольчуга“ и при немъ „Цехъ поэтовъ“, куда вошло много лицъ и не бывшихъ въ засѣданіяхъ у С. Городецкого, какъ, напримѣръ, Татьяна Вечорка и Борисъ Корнѣевъ.

Въ новомъ цехѣ открылась полная свобода всякимъ поэтическимъ исканіямъ и, потому, дружныя засѣданія его, не въ примѣръ Агс'овскимъ, проходили оживленно, рззнообразно и... интересно!

Корректными и академичными предсѣдателями цеха были Юрій Дегенъ и Г. Шайкевичъ. Находчивымъ предсѣдателемъ оказался Борисъ Корнѣевъ, особенно въ его удачной схваткѣ съ неудачнымъ „восточнымъ“ футуристомъ Кара-Дарвишемъ.

Съ чтеніемъ своихъ произведеній здѣсь выступало много поэтовъ, и кромѣ уже указанныхъ докладчиковъ, очень дѣятельными были: А. Порошинъ съ его хрупкими и хрустящими рифмами; онъ же авторъ поэмы „Фантастическій Кабачекъ“ (продолженіе ея у Н. Васильевой); Борисъ Корнѣевъ, дающій звучные и округленные эпитеты, напримѣръ, циклъ „Голубоокая Екатерина“ (менѣе энергично было бы: голубоокая Оксана или Ольга); Юрій Дегенъ вмѣщающій міръ въ тарелку и освѣщающій его зеленымъ свѣтомъ лунатика; В. Катанянъ, „мрачный, какъ Харонъ“, съ остановившемся сердцемъ; Н. Семейко—хитрыя рифмы, „подковыристыя“ слова и эпитеты,—тяготѣтъ къ футуризму; вкрадчивый, какъ кошка А. Чачиковъ; „офицеръ-футуристъ“ Л. Голубевъ-Багрянородный.

Даже хранитель древле—помятниковъ Д. Гордѣевъ согрѣшилъ здѣсь двумя „сонетами“! Паоло Яшвили и В. Гаприндашвили довѣрили „Фантастическому Кабачку“ свои тайные стихи...

На глазахъ „Фантастическаго Кабачка“ попалъ въ „заграницу ума“ Игорь Терентьевъ, теперь уже присяжный чтець, художникъ и философъ!... Кто не помнитъ его „собственныхъ похоронъ“!

Памятна ярая участница цеха, знатокъ всѣхъ „14 тысячъ формъ сонета“, Татьяна Вечорка, настойчивый работникъ,

съ совершенно своеобразнымъ „женственнымъ“ словаремъ и эпитетами, Нина Васильева, Лея Оеодорова, М. Мошинская, М. Листовская и многія другія побывали въ поэтическомъ „Кабачкѣ“...

Здѣсь выступали не только поэты всѣхъ направленій, но и всѣхъ языковъ—вплоть до заумнаго и даже эсперанто!..

Группа поэтовъ „Фантастическаго Кабачка“ самая активная и плодovitая въ Тифлисѣ. Не считая многихъ публичныхъ выступленій, надо отмѣтить изобиліе печатныхъ трудовъ: (по алфавиту авторовъ)—Татьяна Вечерка „Магноліи“, Юрій Дегенъ „Поэма о солнцѣ“ и „Этихъ глазъ“, Г. Евангуловъ „Баронъ въ заплатанныхъ штанахъ“, И. Зданевичъ „Янко Круль Албанскій“ (заумная дра), Борисъ Корнѣевъ „Дѣвушка въ розовомъ“, А. Крученыхъ „Малахолия въ капотѣ“ и „Ожирѣніе розъ“, И. Терентьевъ „А. Крученыхъ—грандіозаръ“, „Фантастическій Кабачекъ“—альманахъ, А. Чачиковъ „Крѣпкій громъ“, журналы: „Куранты“ (подъ редакціей Бориса Корнѣева) и „Фениксъ“ (подъ редакціей Юрія Дегена).

Безусловно, работа участниковъ „Фантастическаго Кабачка“ сыграетъ роль въ развитіи новѣйшаго русскаго искусства вообще, а Тифлиса и Грузіи въ частности. Центръ искусства перемѣстился. Группа лучшихъ грузинскихъ поэтовъ „Голубые роги“ испытала на себѣ неотразимое вліяніе работы „Фантастическаго Кабачка“, о чемъ и заявила публично устами Тиціана Табидзе.

Въ Тифлисскомъ Университетѣ и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ слушатели пользуются методами, выработанными въ „Фантастическомъ Кабачкѣ“ (Слово, какъ таковое, сдвиги, анальная эротика, Фрейдъ и проч.). Работа „Фантастическаго Кабачка“—продолженіе начатой въ Москвѣ и Петроградѣ, но, думаемъ, что теперь она явится началомъ для будущихъ работъ этихъ столицъ. Новый, заумный, языкъ и сдвиги исчерпаны за этотъ годъ почти до конца!

Для меня (думаю, что также и для другихъ участниковъ „Кабачка“) истекшій годъ незабываемъ. Никогда еще я не работалъ такъ полно и продуктивно, главнымъ образомъ, надъ темами, бурлившими въ „Фантастическомъ Кабачкѣ“. Написано много за этотъ годъ больше, чѣмъ за всѣ предыдущія пять лѣтъ! А то ли еще будетъ!

А. Крученыхъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Археологія

Вечеромъ 7 декабря, текушаго года въ помѣщеніи Кавказскаго Музея состоялось соединенное засѣданіе Кавказскаго Отдѣленія Московскаго Археологическаго и Этнографическаго Отдѣла Кавказскаго Отдѣленія Русскаго Географическаго Общества.

Послѣ заслушанія и рѣшенія текущихъ дѣлъ былъ прочитанъ Л. Г. Лопатинскимъ докладъ: Черкесское сказаніе „Красавица Елена и богатырь—женщина“ сравнительно съ поэмами Гомера, пѣсней о Нибеллунгахъ и сказками другихъ народовъ. Ознакомивъ присутствовавшихъ съ исторіей находки сказанія, записаннаго докладчикомъ въ Кабардѣ, въ аулѣ Кармовѣ, г-нъ Лопатинскій прочелъ въ русскомъ переводѣ текстъ, изданный имъ въ 12 вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, содержащій въ любопытной и оригинальной комбинаціи рядъ „бродячихъ“ сказочныхъ мотивовъ. Начало черкесскаго сказанія, повѣствующее о похищеніи красавицы и добываніи ее изъ плѣна героемъ, сюжетно имѣетъ ясный параллелизмъ съ гомеровской эпосеей. Конецъ первой части сказанія весьма оригинально и искусно связываетъ начало со второй половиной, введеніемъ неизвѣстнаго богатыря женственной наружности, помогающаго герою выручить красавицу измѣнницу—жену и, потомъ, требующаго половины добычи и разрубающаго пополамъ добытую Елену и дающаго совѣтъ герою искать новую вѣрную подругу—сестру семи братьевъ. Вторая половина сказанія, повѣствуетъ о поискахъ невѣдомой суженой, исторіи ночного исчезновенія, послѣ

брачнаго пира, второй жены героя—отправляющейся съ отрядомъ на грабежъ и спасенной въ битвѣ, выслѣдившимъ ее героемъ и заканчивается узнаніемъ (герой раненъ въ руку въ ночной битвѣ; женщина-богатырь завязываетъ его рану своимъ шелковымъ платкомъ, который она, потомъ, возвратившись домой, находитъ на рукѣ своего супруга; послѣ, оба рассказываютъ другъ другу о своей жизни и тутъ выясняется, что новая жена героя и убійца красавицы Елены—одно лицо), послѣ котораго богатырь-женщина, влюбленная въ своего героя—спасителя, оставляетъ подвиги и отдается заботамъ семейнаго очага. Докладчикъ отмѣтилъ мотивы этой части черкесскаго сказанія сходные въ рядѣ эпизодовъ съ Одиссеей, а такъ же съ пѣсней о Нибеллунгахъ, съ русскими и другими сказками. Отмѣчены были и отраженія мѣстнаго быта имѣющіяся въ сказаніи.

Далѣе былъ заслушанъ докладъ Л. М. Меликсетъ-Бекъова „Культъ арлеза на Кавказѣ“, являющійся переработанной редакціей статьи докладчика, появившейся впервые на армянскомъ языкѣ въ армянск. журн. „Араратъ“ въ 1918 году. Авторъ здѣсь сопоставляетъ абхазскія этнографическія данныя съ армянскими преданіями, имѣющимися напр., уже въ текстѣ Моисея Хоренскаго,—о цѣлебной, даже воскрешающей силѣ лизанія ранъ собаками и о культовыхъ частностяхъ, связанныхъ съ этими вѣрованіями, находящими себѣ параллели и въ грузинскихъ и даже древне-греческихъ преданіяхъ. Отмѣчена попытка связать ихъ съ Мессопатамскими культами. При обсужденіи доклада Г. Н. Чурсинымъ были привлечены для сопоставленія сходныя вѣрованія инородцевъ сѣвера

Россіи и Литвы. Были указаны параллели и изъ быта западныхъ и южныхъ славянъ. Докладъ подготовленъ къ изданію въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ „Извѣстій Кавказскаго Музея“.

Д. Г.

„Ладья Аргонавтовъ“

Художественная поступь Тифлиса въ истекшемъ году, на ряду прочихъ достижений, ознаменовалась открытіемъ студіи богемнаго типа „Ладья Аргонавтовъ“. Колоритъ ея живо напоминаетъ подобнаго рода петроградскія учрежденія — „Бродячую собаку“, а затѣмъ „Приваль комедіантовъ“, гдѣ все, начиная отъ сцены и стѣнной живописи и кончая внутреннимъ распорядкомъ и идейнымъ содержаніемъ, рассчитано на своего зрителя: поэта, художника и артиста, ищущаго здѣсь, съ одной стороны, быть можетъ, соотвѣтствующаго отдыха, а съ другой, созерцающаго и создающаго новые образы и идеи.

Но этой, какъ мы сказали, „своей“ пубрики не нашла „Ладья“. Вмѣсто артиста сюда пришелъ спекулянтъ, вмѣсто художника — жуиръ, вмѣсто поэта — просто бездѣльникъ, убивающій часы. И въ результатѣ, студія потеряла свой внутренній обликъ. Грохотъ тарелокъ заглушилъ голосъ коломбины, звонъ ножей заглушилъ голосъ поэта. Толпа, нахлынувшая въ „Ладью“ оказалась лишенной того настроенія и тонкаго вкуса, которые обезпечили бы должный успѣхъ этому европейскому начинанію, сочетающему въ рамкахъ культурности театръ и ресторанъ.

Съ другой стороны процвѣтанію „Ладьи“ во многомъ мѣшало отсутст-

віе наличія соотвѣтствующихъ художественныхъ силъ. И если руководители театра и имѣютъ въ своемъ составѣ такого крупнаго художника, какъ К. Зданевичъ и такихъ энергичныхъ работниковъ, какъ Яковъ Львовъ и Сандро Корона, — все же этого не достаточно для того, чтобы поднять художественное значеніе „Ладьи“. Нужны иныя мѣры и руководителямъ ея они, конечно, представляются лучше, чѣмъ кому-либо. Иное дѣло — какъ провести ихъ въ жизнь.

Борисъ Корнѣевъ.

Среди грузинскихъ поэтовъ

Въ январѣ подъ редакціей Паоло Яшвили выйдетъ третья книга „Голубые Роги“. Въ книгѣ будутъ напечатаны стихи: Григорія Робакидзе, Паоло Яшвили, Валеріана Гаприндашвили, Тиціана Табидзе, Лели Джапаридзе, К. Надирадзе, Г. Леонидзе, А. Чачикова, А. Цирекидзе и др.

Въ январѣ подъ редакціей Паоло Яшвили и Тиціана Табидзе, выйдетъ газета поэтовъ. Въ газетѣ будутъ напечатаны рядъ манифестовъ и декретовъ.

Совѣтъ Союза Грузинскихъ Писателей устраиваетъ рядъ вечеровъ грузинской эстетики. Одинъ изъ вечеровъ будетъ посвященъ русскимъ поэтамъ въ Тифлисѣ. Докладчиками выступятъ Григорій Робакидзе, Паоло Яшвили и Тиціанъ Табидзе.

Художественная жизнь въ Москвѣ

Дни октябрьской революціи ознаменовались особымъ расцвѣтомъ художественной жизни.

18 ноября союзомъ „поэтовъ“ былъ устроенъ вечеръ въ честь Ленина. На-

ряду съ видными политическими дѣятелями выступали поэты Василій Каменскій, читавшій стихи: „Ленинъ-пророкъ міровой революціи“ и Рюрикъ Ивневъ со стихами „Ленинъ и миръ“. Въ „Летучей Мыши“ съ успѣхомъ прошелъ вечеръ Достоевскаго; было поставлено нѣсколько сценъ изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“; вступительный докладъ былъ сдѣланъ Вячеславомъ Ивановымъ. Въ Введенскомъ народномъ домѣ, 14 ноября, въ седьмой разъ прошла пьеса Василя Каменскаго „Стенька Разинъ“. У рабочей публики пьеса пользуется большимъ успѣхомъ.

Къ празднованію годовщины октябрьской революціи комиссіей по охранѣ памятниковъ искусства и старины былъ открытъ пролетарскій музей. 7 ноября названный музей устроилъ выставку художественныхъ произведеній, на которой были представлены коллекціи фарфора Карпова и Манташева, китайская бронза Высоцкаго и картины Голицына. На площадяхъ Москвы высятся новые памятники; среди нихъ монументъ Э. Верхарну въ Екатерининскомъ паркѣ и на Цвѣтномъ бульварѣ грандіозная гранитная фигура О. М. Достоевскаго съ монументомъ изображающимъ олицетвореніе человеческой мысли.

Суриковскій Литературный Кружокъ приступилъ къ изданію литературнаго сборника, въ который войдутъ лучшія произведенія писателей, вышедшихъ изъ рабочей и крестьянской среды. Театральнымъ отдѣломъ комиссаріата народнаго просвѣщенія выпускается новый журналъ „Вопросы Театра“. Задачей новаго журнала является всестороннее разрѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ возникновеніемъ и созданіемъ

новыхъ формъ всенароднаго театра. Въ журналѣ три отдѣла: историческій, критическій—посвященный пересмотру существующихъ театральныхъ формъ, и догматическій, выясняющій пути новаго театральнаго творчества въ рамкахъ современныхъ условій.

Кстати, изъ Петрограда сообщаютъ, что, комиссаромъ печати „въ виду недостатка бумаги и общественной безполезности“ закрыть старѣйшій изъ русскихъ театральныхъ журналовъ „Театръ и Искусство“.

Ю. Ш.

„Красный Пѣтухъ“

Подъ такимъ названіемъ въ центрѣ Москвы существуетъ клубъ-мастерская искусствъ, по мысли инициаторовъ являющаяся мѣстомъ, гдѣ освобожденный пролетарскій геній долженъ сойтись съ тѣми художниками, которые прониклись пролетарской идеологіей, хотя бы въ недавнемъ прошломъ они и были представителями утонченныхъ буржуазныхъ театральныхъ формъ.

„Красный пѣтухъ“—это студія, гдѣ вырабатываются новыя, чисто пролетарскія основы театральнаго искусства. Въ непринужденныхъ дискуссіяхъ, въ постановкѣ опытовъ, въ исканіяхъ всякаго рода здѣсь встрѣчаются и рабочій, и поэтъ, и актеръ, и художникъ. Свободная проповѣдь позволяетъ въ этой своеобразной мастерской буржуазному художнику твердить о „единомъ искусствѣ“, которое не можетъ быть ни буржуазнымъ не пролетарскимъ; но здѣсь же ему доказываютъ, что хотя искусство и едино, но формы его, взрожденные на буржуазной почвѣ, станутъ иными, когда притокъ новыхъ соковъ и силъ покажутъ театру иныя

краски, когда театр построенный на экономических началах, перестанет быть коммерческим предприятием и останется возможной лишь художественная конкуренция.

Во главѣ этого клуба - мастерской стоятъ режиссеръ А. Я. Таировъ и художникъ Г. Б. Якуловъ, которые въ день открытія студии поставили „Зеленаго Попугая“ А. Щницлера.

Главными исполнителями пьесы явились артисты Церетели и Аркадинъ. Окончаніе пьесы не имѣло ничего похожего на Щницлера: искусно развѣвая алымъ шелкомъ, актеръ, подъ звуки марсельезы скрестилъ золотые серпы и молотъ! Руководители пролетарской культуры остались весьма довольны этой до неузнаваемости измѣненной постановкой пьесы.

Художники Кандаурова и Оболенская культивируютъ въ мастерской театр маріонетокъ. Въ ближайшемъ будущемъ готовится къ постановкѣ кукольная комедія „Война королей“. Въ студии танцевъ Я. И. Рабенекъ работаетъ надъ демонстраціею хореографическихъ номеровъ, въ числѣ прочихъ, въ алошелковыхъ тонахъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ съ исключительнымъ успѣхомъ прошла „Марсельеза“ Листа.

Новыя книги

А. Крученыхъ. Малохолія въ копотѣ. Рис. К. Зданевича. Нумерованное изданіе.

А. Крученыхъ. Ожирѣніе розъ.

На мѣсто складовъ шелковыхъ и ламповыхъ изяществъ — продовольственные магазины выставляютъ ячменный хлѣбъ. Хочешь, не хочешь — ѣшь! Желудокъ — „распертый домъ“!

Въ такой обстановкѣ родилось дѣтище „похабной“ эпохи — изслѣдованіе объ анальной эротикѣ. Довольно было всякихъ подрывовъ и криковъ: „бросимъ съ парохода современности!“ — настала эпоха не заявленій и деклараций, а медленнаго раздѣванія. Изслѣдованіе „Малохолія въ копотѣ“ есть продолженіе и завершеніе интересной книги А. Крученыхъ „Тайные пороки академиковъ“. Заканчивается же „Малохолія“ въ „Ожирѣніи розъ“ разговоромъ А. Крученыхъ и И. Терентьева.

Въ послѣдней книгѣ читатели знакомятся также съ поэтомъ Терентьевымъ, разборъ произведеній котораго сдѣлалъ А. Крученыхъ — причемъ, діагнозъ оказался чрезвычайно удачнымъ; не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ въ Терентьевѣ многіе узнали мѣткого мыслителя и поэта, въ чемъ и непосвященныхъ убѣждаютъ послѣдніе его стихи: „Мои похороны“ и др., помѣщенные въ „Фантастическомъ Кабачкѣ“ и въ настоящемъ номерѣ журнала.

Е. Луневъ.

И. Терентьевъ. А. Крученыхъ — грандіозарь. Обложка К. Зданевича, гравировалъ Д. Гордѣевъ. 1918 г.

Созданіе новаго рода поэзіи и новой поэтической школы — что можетъ быть болѣе лестнымъ для рѣчетворца? Эта счастливая доля выпала Алексѣю Крученыхъ.

Если футуризмъ расцвѣлъ въ Россіи и Италіи, Франціи и Англіи, то заумная поэзія только въ Россіи!..

„Слово не успѣваетъ за переживаніемъ вдохновеннаго и потому оно можетъ выражаться на заживомъ, не застывшемъ, не имѣющемъ опредѣленнаго логическаго и даже эстетическаго

значенія языкѣ—на заумномъ!“ (Изъ „Декларации слова, какъ такового“ А. Крученыхъ). Можетъ быть никогда не наступитъ время полной оцѣнки заумной поэзіи, но важно отмѣтить, что ея приѣмами пользуются уже очень многіе, какъ въ поэзіи, такъ и въ критикѣ. Это не мертворожденная форма, хотя бы потому, что за пяти-лѣтнее ея существованіе образовалась уже цѣлая школа „заумныхъ“ поэтовъ: В. Хлѣбниковъ, И. Зданевичъ, И. Терентьевъ, Алягровъ, О. Розанова, К. Малевичъ, Карчи, Н. Чернявскій и др.

И не удивительно, что къ „вождю московскихъ футуристовъ“ давно пристала кличка „Грандіозаръ“ (см. у. К. Чуковского, Закржевскаго, Матюшина и др.).

Всѣхъ, даже противниковъ А. Крученыхъ, примиряетъ и покоряетъ его необычайная искренность и преданность дѣлу грядущаго искусства.

„Безсребренникъ съ ужимкой езуита“.

(Г. Вечорка).

Его нервность и живость даютъ ему всѣ черты новатора.

Оспаривать это невозможно, послѣ того, какъ изъ поэзіи Крученыхъ вы-

росла на страницахъ „Грандіозаря“ вся эстетика футуризма и далѣе...

Говорить подробно о книгѣ поэта Терентьева, посвященной А. Крученыхъ, можно будетъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда ее прочтетъ Россія.

Е. Луневъ.

Александръ Чачиковъ. Крѣпкій громъ. Стихи. Предисловіе А. Крученыхъ. 1919 г.

Въ поэзіи А. Чачикова любопытно Сочетаніе Востока (который хорошо знакомъ автору) съ Западомъ—Персія, Петроградъ и Парижъ. Для многихъ спорно введеніе мѣстныхъ словъ (Шеридъ-Хане, „Эрекли“ и др.) въ русскую поэзію—однако эти случаи подтверждаются поэзіей даже „академиковъ“. Все дѣло, очевидно, въ красочности и звучности этихъ словъ—въ чемъ нельзя отказать А. Чачикову.

Н. Атамановъ.

Анатоль Франсъ. Возстаніе ангеловъ. Романъ. Москва, к-во „Сѣверные дни“, 1918 г.

Редакторъ Борисъ Корнѣевъ.

С О Д Е Р Ж А Н І Е

	Стр.
Стихи—Т. Вечорка, Лидія Лѣсная, А. Порошинъ, Н. Васильева, И Терентьевъ	3
Юрій Дегенъ—Встрѣча съ чертомъ. Разсказъ.	6
Борисъ Корнѣевъ—Продолженіе комедіи Н. В. Го- голя „Ревизоръ“	11
Тиціанъ Табидзе—Грузинская поэзія.	15
Юрій Дегенъ—И. Терентьевъ.	18
А. Крученыхъ—„Фантастическій Кабачекъ“	19

Художественная лѣтопись

Д. Г.—Археологія.	22
Борисъ Корнѣевъ—„Ладья Аргонавтовъ“.	23
Среди грузинскихъ поэтовъ.	23
Ю. Ш.—Художественная жизнь въ Москвѣ	23
„Красный Пѣтухъ“.	24
Новыя книги	25

Репродукціи въ текетѣ

И. Терентьевъ—Автопортретъ (тушью); портретъ Юрія Дегена (карандашемъ). Паоло Яшвили—Портретъ Валерьяна Гаприндашвили (рис. тушью); портретъ Тиціана Табидзе (рис. тушью). И. Порошина—Рисунокъ на обложкѣ.